

Шэнь Цихань переступил порог VIP-ресторана и мгновенно окинул зал взглядом. Тот скользнул по столикам и остановился: в углу оживлённо беседовали Линь Цзичу и Сюй Хай.

Лицо его чуть потемнело. Шэнь Цихань опустил взгляд — ресницы скрыли тень, мелькнувшую в глазах.

Не медля ни секунды, он направился к раздаче вместе со Сяо Ди. Тот шёл следом, не замечая, что с хозяином что-то не так.

Линь Цзичу с детства завтракал одним и тем же: тостовый хлеб и молоко. Привычка, не менявшаяся ни на йоту.

— Тук-тук-тук.

Половина тостов была уже съедена, молоко выпито на треть. Линь Цзичу только что договорил последнюю фразу в разговоре с Сюй Хаем, когда этот троекратный стук раздался прямо за спиной — точно вслед за упавшим словом.

Он уже собирался обернуться, когда до него долетел знакомый голос: незнакомец вежливо осведомлялся, свободны ли места за столом.

В ту же секунду он понял, кто это. Движение оборвалось на полуходу — Линь Цзичу так и застыл, не отозвавшись.

Зато сосед среагировал раньше. В голосе Сюй Хая слышалась улыбка:

— Доброе утро, Сяо Шэнь. Садись — как раз всё наше Трио охотников за сокровищами в сборе.

Трио охотников за сокровищами... Линь Цзичу слышал это прозвище уже не впервые, и всё равно оно невольно вызывало усмешку.

Именно так было написано в сценарии: главный герой, второй герой и он — четвёртый — именовались «Трио охотников за сокровищами». Вот только двое из троицы искали священные артефакты искренне, ради спасения мира, тогда как сам он был лазутчиком, затесавшимся в их ряды.

Столик попался маленький, круглый — ровно на шестерых. Сюй Хай поначалу метил за столик на четверых, но все они оказались заняты, и им с Линь Цзичу пришлось довольствоваться этим. Что, разумеется, подарило Шэнь Циханю удобную возможность.

По левую руку от Линь Цзичу было пусто. Шэнь Цихань занял место без лишних слов, и Сяо Ди пристроился рядом — теперь их за столом стало четверо.

С его появлением Линь Цзичу заметно притих. Уткнулся в тарелку и методично жевал хлеб, кусок за куском.

Шэнь Цихань смотрел на него не отрываясь — не обращая ни малейшего внимания на взгляды Сяо Ди, — открыто, без тени смущения. Взгляд намертво прилип к лицу Линь Цзичу и не желал отрываться.

Он и сам не ожидал. Столько времени прошло — а вкусы у Линь Цзичу ни капли не изменились.

Мало-помалу он ушёл в себя. Линь Цзичу это почувствовал — явственно, всем существом — и, всё сильнее сжимая губы, в какой-то момент одним резким движением запихнул в рот оставшиеся ломтики, после чего подхватил стакан и в несколько глотков прикончил молоко.

Тонкое горло с изящным, как у статуи, кадыком несколько раз дёрнулось при глотании, и всё это тоже не ускользнуло от взгляда соседа.

Это отчего-то вернуло Шэнь Цихань в прошлое. Было время, когда каждое утро за завтраком он видел напротив себя одну и ту же картину: Линь Цзичу с хлебом и молоком.

Он и сам несколько дней пробовал составить ему компанию — хлеб с молоком на завтрак. Неделя не прошла, как один вид батона стал вызывать у него судорожную гримасу: вкус хлеба ощущался во рту ещё прежде, чем тот туда попадал.

Еда без мяса — всё равно что никакая еда.

Однажды он не выдержал и спросил напрямую: что хорошего в таком завтраке? Неужели жареный блин с начинкой, яичный рулет или куриная лепёшка — всё это хуже?

Перечислял он со вкусом, и каждое блюдо как живое вставало перед внутренним взором — румяное, ароматное, с запахом горячего масла.

Линь Цзичу рассмеялся и, произнося каждое слово чётко и обстоятельно, ответил:

— У всех разные вкусы, это же понятно. То, что ты перечислил, — вкусно, не спору. Но хлеб я ем с детства. Привык. И ничего в нём плохого не нахожу.

Шэнь Цихань давно заметил: когда Линь Цзичу говорит серьёзно — это особенно красиво. А когда смотрит прямо в глаза — круглыми, ясными, тёмными, как обсидиан, с живой искрой в глубине, — тогда у Шэнь Цихань появлялось нестерпимое желание наклониться и коснуться губами его ресниц.

Хлеб его по-прежнему раздражал. Но к молоку он относился снисходительно — куда лучше, чем к хлебу. И не возражал каждое утро выпивать стакан молока рядом с Линь Цзичу.

Как-то раз тот сказал: если двум людям не суждено выпить бокал выдержанного красного, то разделить стакан свежего тёплого молока — это тоже, в общем-то, романтика.

Фраза была произнесена один-единственный раз, и Шэнь Цихань тогда слушал вполуха. Отмахнулся — нарочито небрежно:

— Какая романтика? По-моему, самое обыкновенное. Это же просто наша повседневность, будни, ничего особенного...

От этого ушата холодной воды Линь Цзичу сначала опешил — а потом засмеялся, и в смехе явственно слышалась обида:

— Ты маленький идиот, что ты понимаешь.

«Маленький идиот» — при этих словах Шэнь Цихань тут же метнул на него взгляд с выразительным прищуром, долго и красноречиво фыркал, но Линь Цзичу с картинно безразличным видом делал вид, что не замечает.

Терпение кончилось быстро. Шэнь Цихань вскочил, в несколько шагов обошёл стул сзади, рывком обнял за плечи — через спинку стула, запирая Линь Цзичу в кольцо рук, — и опустил подбородок ему на плечо.

Линь Цзичу тогда был чуть более плотным, чем сейчас, в лице ещё держалась мягкая округлость. Шэнь Цихань клюнул его в щёку и так и остался лежать на плече, склонив голову набок и созерцая его профиль.

— Ты чего, маленький идиот? — Щекотное дыхание у шеи щекотало приятно; Линь Цзичу засмеялся и спросил — легко, почти нараспев.

— Ничего. Просто смотрю, как ты завтракаешь. — Шэнь Цихань произнёс это без обычной своей ухмылки, совершенно серьёзно, и рука при этом сжалась крепче, притягивая Линь Цзичу к себе.

Линь Цзичу давно знал: этот человек живёт по принципу «что взбредёт в голову — то и делаю». С ним было бесполезно спорить. Оставалось только, как всегда, смотреть сквозь пальцы и позволять.

Он промолчал. Просто улыбнулся — едва заметно, одним уголком губ.

У Линь Цзичу была ямочка — только на правой щеке, на левой её не было. Когда он улыбался, она появлялась: совсем крошечная, прелестная. Шэнь Цихань не раз тыкал в неё кончиком пальца — и каждый раз поражался, как это вообще возможно, и одновременно находил её до невозможности занятой.

Сейчас они сидели совсем близко, Шэнь Цихань лежал головой на правом плече Линь Цзичу — и ямочка была прямо перед ним, отчётливая, близкая.

Он не удержался. Снова придвинулся — и едва коснулся её губами, лёгким, как крыло стрекозы, прикосновением.

Его губы были тёплыми, но щека Линь Цзичу оказалась горячее в несколько раз.

Шэнь Цихань знал этот признак. Линь Цзичу краснел легко и беспомощно, стеснительный насквозь, — и вот опять: щёки пылали румянцем, нежным и вызывающим одновременно.

С тех пор как они познакомились — и после свадьбы, и после всего, что между ними было, — Линь Цзичу оставался прежним: чистым, незащищённым, вспыхивавшим от любого намеренного прикосновения. Эта черта засела в нём накрепко — быть может, до конца жизни.

Шэнь Цихань именно это и любил в нём больше всего. Одно слово «милый» давно не вмещало Линь Цзичу целиком — Шэнь Цихань был убеждён, что красота этого человека не поддаётся никакому описанию.

Словно желая унять смущение, Линь Цзичу вдруг взял стакан и, запрокинув голову, несколькими глотками допил остатки молока.

Шэнь Цихань видел всё: и движение нежного горла, и белую каплю в уголке его губ.

В ту минуту в груди у него что-то вскипело — жарко, неудержимо. Он хотел двух вещей сразу: прикусить это горло — гладкое, белое, как крупная розоватая жемчужина, — и губами снять с уголка его рта след молока.

Он был молод и безрассуден, и желания в нём не задерживались — сразу перетекали в поступки. Едва Линь Цзичу поставил стакан, всё задуманное тут же перешло в дело.

Прошло столько времени, а Шэнь Цихань до сих пор, слово в слово, помнил эту фразу про «молочную романтику» — хотя казалось тогда, что пропустил её мимо ушей. Ничего не забылось. Ни слова.

И сцена, когда Линь Цзичу запрокидывал голову со стаканом, — живая, как только что случившаяся, — и сейчас жгла ему глаза и грудь.

После завтрака Сюй Хай сам вызвался подвезти Линь Цзичу до съёмочной площадки.

Сказал: пусть дорога и недлинная, на машине всё равно быстрее и удобнее. Да и на площадку попадёшь раньше — успеешь подготовиться.

И добавил: вчера вечером Линь Цзичу уже отказал ему один раз — пусть хотя бы теперь сделает ему маленькое одолжение.

Линь Цзичу уже было собрался отказаться снова, но эти слова перекрыли ему горло. Он подумал — и согласился.

В конце концов, человек предлагает из добрых побуждений. Отказывать дважды подряд — это уже невежливо, это уже похоже на высокомерие.

Шэнь Цихань стоял у входа в отель и смотрел им вслед. Взгляд был холодным.

Усадив Линь Цзичу в машину, Сюй Хай перед тем как сесть самому обернулся к неподвижному, как столб, Шэнь Циханю и бросил:

— Сяо Шэнь, мы с Сяо Линем поехали. Ты тоже не задерживайся.

Шэнь Цихань проводил взглядом чёрный минивэн до поворота — но внутри у него было отнюдь не тихо.

Пальцы, опущенные вдоль бока, сжались в кулак.

Вчера ночью Линь Цзичу отказался от его предложения подвезти. Сегодня утром — сел в чужую машину.

Чем дальше он об этом думал, тем сильнее закипал. Брови сдвинулись сами собой. Шэнь Цихань, не оглядываясь, направился к своему автобусу, припаркованному неподалёку.

Сяо Ди семеня следом, явственно ощущая холод, исходящий от хозяина, — но понять, что произошло, не мог.

Совершенно непостижимо: только что всё было нормально — и вдруг у Хань-гэ испортилось настроение.

<http://bllate.org/book/18328/1785084>